

> МАГИСТРАЛЪ >

*Памяти
Оскара Шиндлера
и Леопольда Пфедферберга,
благодаря одержимости и настойчивости
которого эта книга и появилась на свет.*

Предисловие автора

В 1980 году я зашел в магазин дорожных принадлежностей в Беверли-Хиллз, Калифорния, собираясь приобрести пару чемоданов. Магазин принадлежал Леопольду Пфедфербергу, одному из тех, кто выжил стараниями Шиндлера. И, стоя у полки, уставленной импортными итальянскими кожаными изделиями, я впервые услышал историю Оскара Шиндлера, немецкого бонвивана, ловкого дельца, обаятельной личности, полной противоречий, одним из свидетельств которых являются его отношения с представителями обреченной на смерть расы в те годы, которые ныне известны под именем Холокоста, Катастрофы.

Рассказ об удивительной истории Оскара основан главным образом на беседах с пятьюдесятью людьми, спасенными Шиндлером, которые ныне живут в семи странах — Австралии, Израиле, Западной Германии, Австрии, Соединенных Штатах, Аргентине и Бразилии. Он дополнен и обогащен впечатлениями от моей поездки вместе с Леопольдом Пфедфербергом в те места, которые упоминаются в книге: Краков, где разворачивалась деятельность Оскара; Плачув, в котором располагался концентрационный трудовой лагерь, Липовая улица в Заблоче, где по-прежнему находятся корпуса предприятий Оскара Шиндлера; Аушвиц-Биркенау, откуда Шиндлер забрал на свой завод женщин-заключенных. Немалое значение для повествования имели документальные свидетельства и другая информация, полученная от тех немногих соратников военных лет Оскара Шиндлера, которых удалось разыскать, а также рассказы большого количества его друзей послевоенных лет. Много подробных свидетельств поступило от *Schindlerjuden* — «евреев Шиндлера» на

хранение в музей Яд ва-Шем. Мои записи были дополнены материалами, собранными в память героев и мучеников, а также письменными показаниями из различных источников и немалым количеством бумаг и писем самого Шиндлера, частично хранящимися в музее Яд ва-Шем, частью — предоставленных его друзьями.

Изложение подлинной истории в форме романа, с использованием специфических литературных приемов, в современной литературе встречается редко. Я предпочел пойти именно по этому пути — и потому, что у меня имелись писательские навыки, и потому, что живая форма романа показалась мне наиболее подходящей для воссоздания столь противоречивой и мощной фигуры Оскара Шиндлера. Я старался избегать всякого домысливания, если оно входило в противоречие с документами, но все же мне нередко приходилось выбирать некий средний путь между правдой и мифом, которые в изобилии окутывали такую личность, как Шиндлер. Порой возникала необходимость в полном объеме реконструировать разговоры Оскара, о которых остались лишь краткие упоминания. Но большая часть диалогов основана на подробных воспоминаниях *Schindlerjuden* или самого Оскара Шиндлера, а также тех, кто был свидетелем его отчаянного мужества.

Я хотел бы принести свою благодарность первым трем из числа спасенных Шиндлером — Леопольду Пфедфербергу, судьбе Моше Бейски из Верховного суда Израиля и Мечиславу Пемперу, которые не только поделились с автором этой книги своими воспоминаниями об Оскаре и предоставили ему документы, способствовавшие точности повествования, но и, прочитав первый вариант рукописи, внесли в него ценные уточнения. Были и многие другие, среди которых — люди, спасенные Оскаром Шиндлером во время войны, и его послевоенные коллеги и друзья, кто поделился своими воспоминаниями и щедро снабжал меня информацией в виде писем и документов. Среди них я хотел бы назвать фрау Эмили Шиндлер, миссис Людмилу Пфедферберг, доктора Софи Штерн, миссис Хелен Горовитц, доктора Джона Дрезнера, мистера и миссис Генри и Мариану Рознер,

Леопольда Рознера, доктора Алекса Рознера, доктора Идека Шинделя, доктора Дануту Шиндель, миссис Регину Горовитц, миссис Брониславу Каракульску, мистера Ричарда Горовитца, мистера Шмуэля Спрингмана, покойного мистера Джекоба Штернберга, мистера Ежи Штернберга, мистера и миссис Льюис Фаген, мистера Генри Кинстлингера, миссис Ребекку Бау, мистера Эдварда Хьюбергера, мистера и миссис Ирвинг Гловин и многих других. У меня в доме мистер и миссис Э. Корн не только делились своими воспоминаниями об Оскаре Шиндлере, но и оказывали мне постоянную поддержку. В Яд ва-Шеме доктор Иосиф Кермитц, доктор Шмуэль Краковски, Вера Прауснитц, Хана Абель и Хадаша Модлингер обеспечили мне полный доступ к свидетельствам спасенных Шиндлером и предоставили в мое распоряжение все видео- и фотоматериалы.

И наконец, со всем уважением я хотел бы отдать должное тем усилиям, которые приложил покойный мистер Мартин Гош, чтобы имя Оскара Шиндлера стало известным миру, и принести дань уважения его вдове, миссис Люсиль Гене, за ее помощь в осуществлении этого замысла.

При неоценимой помощи всех этих людей удивительная история Оскара Шиндлера в первый раз предстает в полном виде.

Том Кенилли

Пролог

Осень 1943 года

В Польше стояла глубокая осень.

Из богатого и элегантного многоквартирного дома на улице Страшевского вышел высокий молодой человек в дорогом пальто, под которым виднелся двубортный смокинг. На его лацкане красовалась большая, украшенная золотом и черной эмалью *Hakenkreuz* (свастика). У открытой дверцы огромного и особенно ярко выделявшегося на мрачном фоне серой улицы блестящего лимузина марки «Адлер» молодого человека, выдыхая в холодном воздухе клубы пара, ждал шофер.

— Смотрите под ноги, герр Шиндлер, — сказал он. — Все покрыто льдом, словно сердце вдовы.

Молодой человек, слегка поскользнулся, но не упал.

Он всегда твердо стоял на земле.

До конца своих дней он так и будет носить двубортные смокинги и — имея кое-какое отношение к технике — всегда пользоваться большими внушительными машинами.

А еще — будучи немцем (а немцы в тот период истории пользовались непререкаемым авторитетом), неизменно оставаться человеком, с которым польский шофер может позволить себе дружески-почтительно пошутить.

Но вряд ли возможно приступить к изложению нашей истории, ограничившись столь краткой характеристикой. Ибо эта история повествует об убедительном триумфе добра над злом — триумфе, который получил конкретное и неоспоримое воплощение.

Когда вы подходите к этой сложной задаче с одной стороны — то есть когда пытаетесь последовательно и полно рассказать об успехах зла, — легко оставаться проницатель-

ным, точным и мудрым, а также избегать банальностей. Не так уж сложно показать зло, особенно если оно пронизывает сюжет насквозь, хотя порой и добро может одержать верх — с помощью таких трудно учитываемых факторов, как достоинство и самоуважение. Врожденные человеческие пороки всегда привлекают основное внимание повествователя, врожденная порочность человеческой природы является питательной средой для историка.

Но когда собираешься писать о человеческих добродетелях, сталкиваешься с трудностями.

«Добродетель», по сути, понятие столь скользкое, что возникает необходимость в объяснении его смысла. Герр Оскар Шиндлер, который сейчас скользит, подвергая опасности свою блистающую обувь, на обледенелом тротуаре одного из самых старых и аристократических кварталов Кракова, отнюдь не был добродетельным молодым человеком в привычном смысле этого слова. В городе он снимал квартиру для немецкой любовницы и давно крутил роман со своей польской секретаршей. Его жена Эмили предпочитала большую часть времени проводить в их доме в Моравии, хотя порой наезжала в Польшу, чтобы навестить мужа. Тут необходимо уточнить: по отношению ко всем своим женщинам Оскар был любезным и щедрым любовником. Но это не оправдывало его, конечно, если оставаться в рамках привычного понимания слова «добродетель».

К тому же он был далеко не дурак выпить. Порой он выпивал ради чистого удовольствия, доставляемого алкоголем; но куда чаще ему приходилось пить с коллегами, людьми из СС, ради осязаемой выгоды. Мало кто мог сравниться с Шиндлером в умении сохранять ясную голову во время возлияний! И опять-таки это качество — в узком понимании моральных достоинств — не могло служить оправданием его склонности к кутежам.

Хотя заслуги герра Шиндлера давно получили документальное подтверждение, нельзя не упомянуть о некоторой двойственности его природы, которая помогала ему выживать, имея дело с продажной и чудовищной системой, заполнившей Европу концентрационными лагерями, в каждом из ко-

торых в той или иной мере торжествовала бесчеловечность, превратившая один из народов в нацию узников.

Так что, может, лучше будет ограничиться пока лишь намеком на странные добродетели герра Шиндлера и перейти к повествованию о людях, в общении с которыми они проявлялись.

Добравшись до конца улицы Страшевского, машина проехала мимо черной громады Вавельского замка, из которого высокочтимый юрист национал-социалистической партии Ганс Франк правил Польшей в качестве генерал-губернатора. Как и полагалось замку, в котором обитал дух зла, в нем не наблюдалось ни проблеска света. И герр Шиндлер, и его водитель старались не глядеть на эту твердыню, когда машина поворачивала на юго-запад, в сторону реки. На мосту в Подгоже, перекинутом через замерзшую Вислу, их остановила охрана, которая была обязана препятствовать проникновению в город партизан и прочих вредителей, и солдаты потребовали от водителя *passierschein*. Герр Шиндлер часто проезжал через этот пропускной пункт, направляясь то со своего предприятия (на территории которого у него тоже были апартаменты) в город — по делам, или же из своей квартиры на Страшевского — на заводы в предместье Заблоче. Привыкнув к тому, что он всегда появляется после наступления темноты, охрана пропускала его без особых формальностей, зная, что пассажир лимузина направляется то на обед, то на прием, а то и к себе домой спать; а может, вот как сегодня вечером — за десять километров от города, в концентрационный лагерь в Плачуве, где его ждал обед с гауптштурмфюрером СС Амоном Гетом, высокопоставленным сластолюбцем. Поскольку герр Шиндлер пользовался репутацией щедрого дарителя горячительных напитков под Рождество, его автомобиль без особых задержек проследовал в пригород Подгоже.

Несмотря на свою любовь к вкусной еде и выдержанному вину, герр Шиндлер воспринимал сегодняшний обед у коменданта Гета скорее с омерзением, чем с удовольствием. И так было всегда: необходимость общаться и пить с Амоном не вызывала у него иных чувств, кроме тягостных, неприят-

ных. Тем не менее отрицательные эмоции герра Шиндлера носили и слегка пикантный оттенок: возбуждение от предвкушаемого омерзения было сродни предвкушению средневековых мистерий — эмоции, можно сказать, больше подхлестывали Шиндлера, нежели обессиливали его.

Расположившись в салоне «Адлера», обтянутого черной кожей, герр Шиндлер ехал вдоль трамвайных путей, которые с недавнего времени обозначали границу еврейского гетто, и, как всегда, непрерывно курил. Так он обретал спокойствие. Нет, его манера вести себя не страдала напряженностью; он всегда отличался изысканностью поведения и неизменно полагал, что вслед за бутылкой хорошего коньяка приходит черед дорогой сигареты. Он так и не смог понять, принес ли ему облегчение глоток из фляжки, к которой он приложился, проезжая по вымершей почерневшей местности и глядя, как по дороге на Львов тянется череда теплушек для скота, в которых могли быть солдаты, или заключенные, или — хоть в это было труднее поверить — коровы.

Оказавшись в пригороде, километрах в десяти от центра города, «Адлер» повернул направо, на улочку, которая, по иронии судьбы, носила название Иерусалимской.

Ночь начала забирать морозцем, и в стывшем воздухе Шиндлер сразу увидел под холмом разрушенную синагогу, а затем скопление строений, которое в те дни получило название «Иерусалим» — концентрационный лагерь Плачув, барачный поселок, в котором размещалось 20 тысяч представителей беспокойного еврейского племени. Украинская полиция и люди из ваффен СС любезно встретили у ворот герра Шиндлера, ибо и здесь он пользовался не меньшей известностью, чем на мосту в Подгоже.

Поравнявшись с административным зданием, «Адлер» двинулся по тюремной дороге, вымощенной еврейскими надгробиями. Еще два года назад на месте лагеря размещалось еврейское кладбище. Комендант Гет, считавший себя поэтом, использовал его памятные плиты, не задумываясь о возникшей метафоре. Это была дорога, устланная надгробьями и разделившая лагерь на две половины...

Дорога обрывалась, не доходя до виллы, занятой лично комендантом Гетом.

С правой стороны, за казармами охраны, располагалась бывшая еврейская покойницкая. Умирили тут часто, причиной смерти служило истощение. Но ныне это помещение служило конюшней для коменданта. Шиндлер уже по привычке к черной иронии текущего момента. По общему мнению, если ты в те годы мог с юмором оценивать такие «небольшие накладки» нового миропорядка в Европе, то, значит, принимал их, они становились частью твоего мировосприятия. А широта мировоззрения у Шиндлера была поистине необъятна.

Заклученный Польдек Пфефферберг тоже направлялся этим вечером на виллу коменданта. Лизек, девятнадцатилетний посыльный коменданта, явился в барак Пфефферберга с пропуском, подписанным унтершарфюрером СС. Проблема, с которой он столкнулся, заключалась в том, что в ванной комнате забило сток, и Лизек опасался, что получит беспощадную выволочку, когда утром герр комендант захочет принять ванну. Пфефферберг, который когда-то был учителем Лизека в старших классах гимназии в Подгоже, работал в гараже лагеря и имел доступ к химикалиям. Вместе с Лизеком он отправился в гараж, где взял гибкий шланг со щеткой на конце и канистру с растворителем. Пребывание на вилле коменданта всегда могло закончиться чем угодно, но оно включало в себя и возможность подкормиться у Хелен Хирш, тихой и запуганной прислужницы Гета, которая в свое время тоже была ученицей Пфефферберга.

Когда «Адлер» герра Шиндлера приблизился к вилле на сто метров, разнесся собачий лай — это подали голоса датский дог, волкодав и другие псы, которых Амон держал в конурах за домом.

Вилла представляла собой квадратное строение с мансардой. Окна наверху выходили на балкон. Вдоль всего здания шла веранда с балюстрадой — Амон Гет любил сидеть в теплые дни на свежем воздухе. После приезда в Плачув он за-

метно прибавил в весе. Следующим летом ему будет стыдно показаться на пляже...

Но по крайней мере в этом подобии Иерусалима он был избавлен от насмешек.

У двери виллы стоял унтершарфюрер СС в белых перчатках. Отдав честь, он пригласил герра Шиндлера в дом. В вестибюле вестовой-украинец Иван принял у герра Шиндлера пальто и широкополую шляпу. Шиндлер коснулся нагрудного кармана смокинга, дабы увериться, что не забыл подарок для хозяина: золотой портсигар, приобретенный на черном рынке. Амон настолько преуспел, особенно имея дело с конфискованными драгоценностями, что подношение менее ценное, чем золотое изделие, просто оскорбило бы его.

Двойная дверь вела в обеденный зал, где музицировали братья Рознеры — Генри на скрипке, Лео на аккордеоне. По настоянию Гета, они оставляли полосатую лагерную одежду в малярной мастерской, где работали днем, и надевали вечерние костюмы, которые для таких случаев хранили в своем бараке. Оскар Шиндлер знал, что, хотя комендант обожал их исполнение, Рознеры никогда не чувствовали себя в безопасности на вилле. Они видели слишком многое, имеющее отношение к Амону. Они знали, насколько легко он со своей неустойчивой психикой выходит из себя и подвергает людей наказаниям *ex tempore*. Игнали они со всем старанием, надеясь, что их музыка не вызовет у хозяина внезапного необъяснимого взрыва бешенства.

Этим вечером за столом у Амона Гета собралось семь человек. Среди расположившихся по обе стороны от Шиндлера гостей находились Юлиан Шернер — глава СС в районе Кракова и Рольф Чурда — шеф краковского отделения СД, службы тайной полиции покойного Рейнхарда Гейдриха. Шернер был оберфюрером — ранг в СС, соответствующий промежуточной стадии между полковником и бригадным генералом, для которого не нашлось армейского эквивалента; Чурда же был оберштурмбаннфюрером, то есть подполковником. Гет имел звание гауптштурмфюрера, или капитана. Шернер и Чурда считались